

DOI: 10.31857/S032103910005046-3

K. HELLSTRÖM. Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet (2. Jh. v. Chr. – 3. Jh. n. Chr.). (Archäologie in Eurasien, 39). Bonn: Dr. Rudolf Habelt-Verlag, 2018. X, 382 S. mit 72 Abb. und 94 Taf.

На протяжении более чем 70 лет становление научных школ в странах капиталистического Запада и социалистического Востока происходило раздельно. Их взаимодействие было эпизодическим, что привело к преимущественному развитию направлений, источниковая база которых ограничивалась территориальными рамками соответствующих политических лагерей. В рамках этих школ сформировались различные особенности постановки исследовательских задач и собственные научные дискурсы, что затрудняло (и в некоторых случаях затрудняет до сих пор) понимание работ друг друга даже при условии владения соответствующим языком.

Диссертационное исследование Кирстен Хельстрём отражает сближение научного сообщества после исчезновения «железного занавеса». Своей работой исследовательница перекидывает мостик между двумя научными традициями, стремясь преодолеть противоречия, сформировавшиеся за долгий период взаимной изоляции. Прекрасно владея русским языком, она много времени провела в музеях и библиотеках России и Украины, имея возможность непосредственно изучать публикуемый в книге материал и литературу по теме исследования, а также общаться с коллегами, в том числе обсуждать наиболее актуальные вопросы, выяснять значение тех или иных специальных терминов. Вышедшая в 2018 г. книга является результатом многолетних исследований, в том числе глубокого погружения в проблематику, связанную с изучением не только собственно фибул, но и культурного фона, на котором они появились и получили свое дальнейшее развитие в costume населения Северного Причерноморья.

Книга состоит из введения, шести глав и заключения, резюме на немецком, английском и русском языках, списка литературы, каталога и индекса проанализированных погребальных комплексов, а также 94 таблиц иллюстраций.

Во введении автор определяет предмет и цели исследования (с. 1–2), обосновывает его хронологические и географические рамки (с. 2–3) и дает характеристику источниковой базы (с. 3–6). В качестве предмета исследования выбраны фибулы сарматской эпохи из Северного Причерноморья. Основными целями работы определены систематизация фибул по их формально-типологическим особенностям, анализ условий их обнаружения и хронологических позиций, помещение этого материала в общеевропейский надрегиональный контекст.

Под Северным Причерноморьем автор понимает часть Восточноевропейской равнины между Карпатами на западе, Уралом на востоке, границей степи и лесостепи на севере, северным побережьем Черного и Азовского морей, а также Крымскими горами на юге. Под «сарматской эпохой» подразумевается период со II в. до н.э. по III в. н.э., хотя и сам термин, и рамки этого периода дискуссионны. Автор дополнительно обосновывает нижнюю хронологическую границу своего исследования тем, что первое появление фибул в costume населения Северного Причерноморья отмечается только во II в. до н.э. Это не вполне соответствует новым данным, поскольку материалы могильника Глиное в Приднестровье, исследованного в 1990-е годы и полностью опубликованного в 2016 г.¹, содержат многочисленные комплексы с фибулами различных вариантов среднелатенской схемы, в том числе надежно датированные по клейменым амфорам с конца IV по начало II в. до н.э. Этот могильник, хотя и расположенный в лесостепи, непосредственно примыкает к очерченному

¹ Tel'nov, Chetverikov, Sinika 2016; см. Mordvintseva 2018.

Хельстрём региону и демонстрирует большое число сходных черт с материальной культурой Крыма соответствующего периода. Нижняя хронологическая граница погребальных комплексов Крыма в последнее время в связи с интенсивными раскопками городища Ак-Кая/Вишенное в Центральном Крыму² также, по-видимому, должна быть удревнена³. Это делает вероятным изменение хронологических позиций некоторых типов фибул среднелатенской схемы в сторону их более ранней даты.

Автор оценивает источниковую базу исследования как статистически репрезентативную, отмечая, что многие материалы до сих пор не опубликованы, а имеющиеся публикации сильно отличаются по полноте представленных в них данных. При характеристике источниковой базы Хельстрём особое внимание уделяет крымским склепам с многоактными захоронениями, где обнаружена большая часть фибул. Она отмечает, что в таких погребальных комплексах невозможно связать инвентарь с определенным костюмом. Хотя часто такая ситуация действительно имеет место, разделение погребального инвентаря по костякам было проделано в ходе полевых работ в большом числе случаев, в том числе в могильниках, которые являются центральными в исследовании Хельстрём (например, Беляус, Усть-Альма, Восточный некрополь Неаполя Скифского). Полные публикации некоторых из них, видимо, остались недоступными автору, поскольку изданы сравнительно недавно⁴.

В главе «Культурно-исторический обзор» (с. 7–17) представлены характеристики археологических культур, связываемых с основными политическими акторами в исследуемом регионе, известными по письменным источникам – скифами, сарматами, северопричерноморскими греками и римлянами. Особенно подробно рассмотрены позднескифская и сарматская археологические культуры. Если по сарматской культуре на европейских языках имеется довольно обширная литература, то описание позднескифской проблематики в немецкоязычной публикации происходит впервые. Автор дает характеристику этих культур с позиции исследователя западной методологической школы, что делает ее очерк полезным как для немецко-, так и русскоязычных читателей. Хельстрём отмечает практически полное отсутствие выделения ясных культуроопределяющих признаков позднескифской и сарматской культур, а также сравнительных исследований отдельных памятников и групп материала.

Поскольку фибулы в силу изменчивости своих формальных характеристик являются одним из основных хроноиндикаторов для культур негородского типа, в специальном разделе монографии рассматривается «Хронология сарматской эпохи в Северном Причерноморье» (с. 18–25). Во «Вводных замечаниях к хронологии» автор справедливо отмечает, что на исследование культурно-исторических процессов в степях Восточной Европы в большой мере повлияла историческая концепция о постоянной смене населения в этом регионе (скифы, сарматы, славяне), сформировавшаяся еще в XVIII в.⁵ В рамках этой концепции произошло членение сарматской эпохи на отдельные культурно-хронологические периоды – ранне-, средне- и позднесарматская культуры, как правило, интерпретируемые в этническом смысле, т.е. как сформированные в результате появления в регионе новых этносов-гегемонов. Хельстрём критикует такой подход, отмечая, что существование единого этнического образования, понимаемого под сарматской археологической культурой, распространенной на огромной территории между Уралом, Карпатами и северо-восточным Кавказом, является проблематичным. Чтобы лучше понять содержание конструкта «сарматы», который до сих пор остается неясным, автор предлагает учитывать социальный контекст времени его создания и дает краткий очерк исследования сарматской культуры, следуя, в целом, новому тренду в изучении «варварских» культур Северного Причерноморья⁶.

Специальный очерк (с. 21–25) посвящен состоянию исследований по относительной и абсолютной хронологии сарматской и позднескифской археологических культур. В числе новейших разработок по хронологии сарматской культуры исследовательница критически анализирует работы А.В. Симоненко⁷, который в своей классификации отталкивается от ставшей классической периодизации К.Ф. Смирнова и Б.Н. Гракова с поправками С.В. Полина, и синхронизирует ее с европейской хронологической шкалой. Каждый из выделенных им хронологических периодов он связывает с появлением на ключевых позициях в регионе нового этноса. Особой заслугой А.В. Симоненко Хельстрём считает его критику терминологической и методологической путаницы в сарматологии,

² Zaytsev 2017.

³ См. Mordvintseva 2017, 191–192.

⁴ Dashevskaya 2014; Puzdrovskiy, Trufanov 2016; 2017a; 2017b.

⁵ См. Mordvintseva 2013; 2016.

⁶ См., например, Mordvintseva 2013; 2016.

⁷ Simonenko 2001; 2004.

отмечая, однако, что в своей работе он не придерживается выдвинутых им же самим принципов. В итоге она приходит к выводу, что на современном этапе хронология сарматской эпохи в Северном Причерноморье остается пока еще слабо разработанной. Основную причину этого автор видит в непрозрачности процедуры исследований, недостаточно дефинированной терминологии, отсутствии фундаментальных исследований отдельных групп материала и выделения ясных культуроопределяющих признаков.

В вопросе о хронологии позднескифской культуры Хельстрём подробно останавливается на периодизации крымских могильников, базируясь в основном на работах О.Д. Дашевской, А.Е. Пуздровского, Ю.П. Зайцева и А.А. Труфанова. Исследовательница справедливо указывает на огромный потенциал материалов склепов с многоактными захоронениями для построения хронологических схем, но в то же время полагает, что в большинстве случаев этот потенциал сложно задействовать, поскольку погребальный инвентарь невозможно распределить по отдельным захоронениям. Концентрируясь на погребальных комплексах, Хельстрём не привлекает к исследованию материалы изучения культурных слоев поселений, хотя благодаря стратифицированности слоев разрушений, перестроек и пожаров возможно создать более дифференцированную хронологию и сопоставить ее с периодизацией некрополей, как было проделано Ю.П. Зайцевым на материале Неаполя Скифского⁸. В заключение хронологического обзора автор делает вывод, что для построения адекватной абсолютной хронологии необходимо выполнить серию независимых естественнонаучных датировок специально отобранных ключевых контекстов.

В главе «История исследования и актуальное состояние изучения фибул» (с. 26–30) автор рассматривает процесс изучения фибул Южной России начиная с конца XIX в. В то время как российских ученых в большей степени занимали художественные вещи из античных городов и скифских курганов, в Северной и Средней Европе возник особый интерес к изучению массовых находок застежек костюма в силу их значения для определения хронологии, выявления производственных центров и культурной атрибуции. Поэтому северопричерноморские фибулы впервые вошли в каталоги и типологические схемы европейских ученых⁹, что инспирировало появление соответствующих разработок в России¹⁰. Хельстрём отмечает, что в дальнейшем советские исследователи концентрировались преимущественно на изучении локальных находок фибул и использовали работы отечественных археологов, хотя в это же время некоторые западные коллеги старались использовать южнорусский материал в своих эволюционных построениях и включали его в надрегиональный контекст.

Первым обобщающим исследованием фибул Юга России стал свод А.К. Амброза¹¹, до сих пор являющийся настольной книгой археологов всего постсоветского научного пространства. В этой работе собраны все известные ученому фибулы II в. до н.э. – IV в. н.э. из обширного региона от Урала до Карпат. Недостатком книги Амброза Хельстрём считает несоблюдение им принципов классификации: при основном типологическом делении на 21 группу отсутствуют единые для них диагностические признаки. Это усугубляется недостаточным числом иллюстраций, в которых отдельные варианты фибул совсем не представлены. Большая часть анализируемой им выборки происходит из нестратифицированных контекстов. В дальнейшем типология Амброза дополнялась и корректировалась и им самим, и другими исследователями на фоне увеличивающегося числа публикаций комплексов. Особое внимание Хельстрём уделяет недавно вышедшей книге В.В. Кропотова¹², который актуализирует свод Амброза за счет нового материала. Однако, по мнению автора, этот научный труд не выигрывает в прозрачности процедуры исследования по сравнению с работой Амброза и, подобно ей, мало иллюстрирован.

Чтобы преодолеть недостатки предшественников, К. Хельстрём предлагает усовершенствованную типологию фибул в главе «Типо-хронологический анализ» (с. 31–127). В «Вводных замечаниях» (с. 31–32) она обосновывает выбор ею принципов построения типологии. В качестве основного классификационного принципа выступает конструкция застежки: пружина (группы I–IV), шарнир (группы V–VII) или поворотный механизм (группа VIII)¹³. По индивидуальным особенностям пружинной конструкции выделяются одночленные фибулы с простым пружинно-игольным аппаратом (группа I), с крючком для тетивы (группа II), двучленные (группа III) и со втулкой вокруг пружины

⁸ Zaytsev 2003.

⁹ Martin 1896; Almgren 1897.

¹⁰ Gausman 1898; Spitsyn 1904; Rostovtzeff 1918; Kalitinskiy 1927.

¹¹ Ambroz 1966.

¹² Kropotov 2010.

¹³ Фибулы этой группы известны в русскоязычной литературе как «пряжки-сюльгамы».

(группа IV). Фибулы шарнирной конструкции подразделяются по типу шарнира: втульчатый (группа V), трубчатый (группа VI) и из двух стоек (группа VII).

В разделе «Классификация и хронология» северопричерноморских фибул (с. 32–127) подробно описаны различные их группы. Они подразделяются по значимым конструктивным признакам спинки и/или ножи на типы, варианты, подварианты и формы, что позволяет в будущем дополнять эту классификацию. На основе анализа групп I–III автор делает вывод о местном развитии входящих в них типов, в то время как в группах IV–VIII представлены почти исключительно импортные формы фибул. Внутри групп I–II и V несколько наиболее многочисленных типов объединены в серии, которые проанализированы с применением статистических методов. Каждая серия характеризует тип-хронологическую эволюцию некоторых признаков, таких как, например, конструкция и форма спинки и соединения ножи с приемником в группе I или профилировка спинки в группе II. Таким образом в ряде случаев проиллюстрировано восприятие ряда признаков общеевропейских типов фибул северопричерноморскими мастерами. Некоторые типы, выделенные Хельстрём, не вписываются в традиционную классификацию Амброза/Кропотова. Это касается, например, характерных для Северного Причерноморья подвизных и сильно-профилированных фибул, которые отличаются особенностями конструкции застежки (одно- и двучленные). Преимущество новой типологии автор видит в том, что такая конструктивная деталь, как изготовление фибулы из одного или нескольких кусков проволоки, имеет значение для хронологической атрибуции и указывает также на региональные особенности развития этих форм. Другим достоинством своей классификации автор считает возможность объединения и сопоставления в рамках одной большой группы импортных и местных типов фибул. Надо признать, что разработанная Хельстрём типология выглядит непротиворечиво, хорошо согласуется с уже опробованными европейскими типологиями, разработанными для сопредельных регионов¹⁴, и имеет научный потенциал для построения в будущем относительной и абсолютной хронологии памятников Северного Причерноморья сарматской эпохи.

Глава «Рассуждения об использовании фибул» (с. 128–140) посвящена анализу фибульного костюма на основании данных погребального обряда. В ней характеризуется источниковая база, рассматриваются вопросы о различиях в использовании фибул в II–I вв. до н.э. и в I–III вв. н.э., альтернативного (т.е. не в качестве застежки одежды) назначения фибул, а также высказываются отдельные замечания о фибульном костюме, реконструируемом на основании материалов могильника Кобяково, и подводятся итоги исследования костюма. Проведенный Хельстрём анализ способа ношения фибул в период между II в. до н.э. и III в. н.э. — первое такого рода исследование на северопричерноморском материале. По мнению автора, хронологическая граница между ранне- и среднесарматской культурами маркируется не только различиями между формами фибул и способами их использования, но также и между их пользователями. В рамках двух хронологических периодов выделены регионы со специфическим способом ношения фибул. Прослежены тенденции в региональных предпочтениях в стиле одежды. В раннесарматское время своеобразную провинцию с относительно однородным костюмом, выделяющуюся на фоне других регионов, представляла собой область между Перекопом и Днепром. В среднесарматский период это относится к юго-западному и центральному Крыму, население которого по способу ношения фибул близко обитателям района дельты Дона.

В последней главе (с. 141–163) обобщаются результаты исследования, которые представлены параллельно на немецком и русском языках, что позволяет ознакомиться с ними также русскоязычным читателям, не владеющим немецким языком. Однако в некоторых местах перевод неточен, порой допуская иное, или даже обратное, толкование (например, «Übergang von der älteren zur jüngeren vorrömischen Eisenzeit» несколько раз переводится как «переход от позднего к раннему доримскому железному веку»; «überregional» как «межрегиональный» вместо «надрегиональный»; «Kontext» как «контакт», и т.п.), что может ввести читателя в заблуждение и не дать ему вполне понять мысль автора.

В этой главе рассматриваются вопросы появления костюма с фибулами в Северном Причерноморье на периферии области Латена, в том числе исходная ситуация и сценарии распространения фибул. Автор критикует идею М.Б. Шукина, В.Е. Еременко и Н.Е. Берлизова¹⁵ о появлении фибул в Северном Причерноморье, для которого они не были характерны в предыдущий период, в результате прямого контакта между кельтами и степным населением в ходе совместных военных действий. Она предлагает альтернативное объяснение распространения латеноидных предметов материальной культуры как следствие контактов с носителями соседних латенизированных культур (попнешти-лукашевской и зарубинецкой) или как результат надрегионального культурного обмена. Надо

¹⁴ Riha 1979; 1994; Cociş 2004; Pachkova 2004; Müller, Steuer 2011.

¹⁵ Eryomenko, Shchukin 1998; Berlizov, Eryomenko 1998.

отметить, что такое объяснение не исключает и сценария развития событий, предложенного Шучиным, Берлизовым и Еременко. В случае с предметами латеноидного облика, среди которых представлены не только конструктивные детали одежды, но и весьма специфические элементы военной амуниции, речь идет о сетевых связях разного уровня, которые необходимо анализировать отдельно. В некоторых случаях приходится признать высокую вероятность непосредственного участия представителей латенских культур в культурогенезе по крайней мере Крыма¹⁶.

Затем в главе обобщается опыт выделения «провинций костюма» между Днепром и Доном, в том числе отмечается переход на рубеже эр от использования одной застежки к одежде с несколькими фибулами (в женском костюме), выделены несколько локальных тенденций в ношении фибул преимущественно на левой или правой стороне одежды. Подведены итоги классификации фибул (с. 153–163). Северопричерноморские мастерские определены как источник появления некоторых региональных и надрегиональных типов фибул. В разделе «Классификация как основа анализа» показаны преимущества предлагаемой автором типологии, которая позволяет проследить линии развития отдельных типов северопричерноморских фибул в надрегиональном контексте. Отдельно рассмотрено развитие фибул среднелатенской схемы к северопричерноморским подвязным фибулам и обстоятельства появления «сильно-профилированных фибул с двумя узлами на спинке»¹⁷ в Северном Причерноморье.

В заключении, представленном на трех языках – немецком, английском и русском, резюмируется содержание глав книги (с. 164–170). Монография заканчивается обширным списком литературы (с. 171–193), каталогом (с. 194–278) и приложением (с. 279–284). В каталоге представлена основная информация о местах находок фибул, их номерах на приводимых в исследовании картах, обстоятельствах находки, сопутствующем инвентаре, даны описания фибул и библиография, краткая информация о крупных могильниках. Каталог упорядочен по алфавиту в соответствии с названием места находки. Приложение представляет собой расположенные в алфавитном порядке названия административных единиц современных Украины и России, согласованных с номерами каталога, что в известной мере оптимизирует работу с ним. Монография снабжена иллюстрациями в тексте, на которых показаны наиболее значимые для рассуждений автора комплексы с фибулами, а также изображения (в том числе цветные фото) особо подробно рассматриваемых фибул. Кроме того, в конце книги помещены таблицы, на которых фибулы (около 50% от перечисленных в каталоге) изображены в соответствии с предлагаемой в книге типологией. Надо отметить, что автор непосредственно ознакомилась с большей частью собранного в каталоге материала и самостоятельно подготовила его изображения.

Литература / References

- Almgren, O. 1897: *Studien über nordeuropäische Fibelformen*. Stockholm.
- Ambroz, A.K. 1966: *Fibuly yuga evropeyskoy chasti SSSR (II v. do n.e. – IV v. n.e.) [Brooches from the Southern Part of the USSR (II c. BC – IV c. AD)]*. Moscow.
- Амброз, А.К. 1966: *Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н.э. – IV в. н.э.)*. (Свод археологических источников. Вып. Д1–30). М.
- Berlizov, N.E., Eryomenko, V.E. 1998: [La Tène imports in the Sarmatian sites of the Black Sea region: The problem of interpretation]. *Drevnosti Kubani [Antiquities of the Kuban region]* 7, 25–33.
- Берлизов, Н.Е., Ерёмченко, В.Е. Латенские импорты в сарматских памятниках Причерноморья: проблема интерпретации. *Древности Кубани* 7, 25–33.
- Cociş, S. 2004: *The Brooches from Roman Dacia*. Cluj-Napoca.
- Dashevskaya, O.D. 2014: *Nekropol' Belyausa [The Necropolis of Belyaus]*. Simferopol.
- Дашевская, О.Д. *Некрополь Беляуса*. Симферополь.
- Eryomenko, V.E., Shchukin, M.V. 1998: [To the question of the Eastern La Tène and the late pre-Roman chronology]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological Collection of the State Hermitage]* 33, 61–89.
- Ерёмченко, В.Е., Щукин, М.В. К вопросу о хронологии восточного латена и позднего предримского времени. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа* 33, 61–89.
- Gausman, R.F. 1898: [A few notes about new research on fibulae and about fibulae stored in the Museum of the Imperial Odessa Society of History and Antiquities]. *Zapiski Imperatorskogo Odesskogo*

¹⁶ Подробнее см. Mordvintseva 2017, 195–203.

¹⁷ В русскоязычной литературе принят термин «сильно профилированные фибулы с бусиной на головке» – Ambroz 1966, 40–43.

- obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Imperial Odessa Society for History and Antiquities] XXI, 255–270.
- Гаусман, Р.Ф. Несколько заметок по поводу новых исследований о фибулах и по поводу фибул, хранящихся в музее Императорского Одесского Общества Истории и Древностей. *Записки Императорского Одесского общества истории и древностей* XXI, 255–270.
- Kalitinskiy, A.P. 1927: [About some forms of fibula from South Russia]. In: *Sbornik statey po arkeologii i vizantinovedeniyu, izdavaemyy seminariem imeni N.P. Kondakova* [Seminarium Kondakovianum. Recueil d'études. Archéologie. Histoire de l'art. Études Byzantines], I. Prague, 39–92.
- Калитинский, А.П. О некоторых формах фибулы из Южной России. В сб.: *Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием имени Н.П. Кондакова*, I. Прага, 39–92.
- Kropotov, V.V. 2010: *Fibuly sarmatskoy epokhi* [Brooches of the Sarmatian epoch]. Kiev.
- Кропотов, В.В. *Фибулы сарматской эпохи*. Киев.
- Martin, F.R. 1894 (1896): Fibulor och söljor från Kertch. *Bihang till Kongliga Vitterhets, Historie och Antiquitets Akademiens Månadsblad* 1894, 1–27.
- Mordvintseva, V. 2013: The Sarmatians: The creation of archaeological evidence. *Oxford Journal of Archaeology* 32 (2), 203–219.
- Mordvintseva, V.I. 2016: [Forming of the concept of cultural-historical processes in the barbarian world of the North Pontic region in the 3rd c. BC – mid-3rd c. AD]. *Istoriya i arkeologiya Kryma* [History and Archaeology of the Crimea] 3, 178–199.
- Мордвинцева, В.И. Формирование концепции культурно-исторических процессов в варварском мире Северного Причерноморья в III в. до н.э. – сер. III в. н.э. *История и археология Крыма* 3, 178–199.
- Mordvintseva, V.I. 2017: [Cultural-historical processes in the “barbarian” societies of the Crimea of the 3rd c. BC – 3rd c. AD according to the materials of burial complexes of elite]. In: A.I. Ivantchik, V.I. Mordvintseva (eds.), *Krymskaya Skifiya v sisteme kul'turnykh svyazey mezhdv Vostokom i Zapadom (III v. do n.e. – VII v. n.e.)* [Crimean Scythia in a System of Cultural Relations Between East and West (3rd Century BC to the 7th Century AD)]. Simferopol–Moscow, 183–224, 290–299.
- Мордвинцева, В.И. Культурно-исторические процессы в «варварских» социумах Крыма III в. до н.э. – III в. н.э. по материалам погребальных комплексов элиты. В кн.: А.И. Иванчик, В.И. Мордвинцева (ред.), *Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н.э. – VII в. н.э.)*. Симферополь–Москва, 183–224, 290–299.
- Mordvintseva, V.I. 2018: [Rev.: N.P. Tel'nov, I.A. Chetverikov, V.S. Sinika. The Scythian Necropolis of the 3rd-2nd cc. BC near the Village of Glinoe. Tiraspol: Stratum plus, 2016. 1096 p.]. *Stratum plus* 3, 407–416.
- Мордвинцева, В.И. [Рец.:] Н.П. Тельнов, И.А. Четвериков, В.С. Синика. Скифский могильник III–II вв. до н.э. у с. Глиное. Тирасполь: Stratum plus, 2016. 1096 с. *Stratum plus* 3, 407–416.
- Müller, R., Steuer, H. (Hrsg.) 2011: *Fibel und Fibeltracht*. 2. Aufl. Berlin–Boston.
- Pachkova, S.P. 2004: [Ways of forming of the fibula complex of Zarubintsy Culture]. In: D.N. Kozak (ed.), *Arheologija davnih slov'jan. Doslidzhennja i materialy* [Archaeology of the Ancient Slavs. Studies and Materials]. Kiev, 9–38.
- Пачкова, С.П. Пути формирования фибульного комплекса зарубинецкой культуры. В сб.: Д.Н. Козак (ред.), *Археологія давніх слов'ян. Дослідження і матеріали*. Київ, 9–38.
- Puzdrovskiy, A.E., Trufanov, A.A. 2016: *Polevyje issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2008–2014 gg.* [Field Studies of Ust'-Al'ma Necropolis in Years 2008–2014]. Simferopol–Moscow.
- Пуздровский, А.Е., Труфанов, А.А. *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008–2014 гг. (Усть-Альминское городище и некрополь в юго-западном Крыму)*, 1). Симферополь–Москва.
- Puzdrovskiy, A.E., Trufanov, A.A. 2017a: *Polevyje issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2004–2007 gg.* [Field Studies of Ust'-Al'ma Necropolis in Years 2004–2007]. Simferopol–Moscow.
- Пуздровский, А.Е., Труфанов, А.А. 2017а: *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2004–2007 гг. (Усть-Альминское городище и некрополь в юго-западном Крыму)*, 2). Симферополь–Москва.
- Puzdrovskiy, A.E., Trufanov, A.A. 2017b: *Polevyje issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2000–2003 gg.* [Field Studies of Ust'-Al'ma Necropolis in Years 2000–2003]. Simferopol–Moscow.
- Пуздровский, А.Е., Труфанов, А.А. *Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2000–2003 гг. (Усть-Альминское городище и некрополь в юго-западном Крыму)*, 3). Симферополь–Москва.

- Riha, E. 1979: *Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst*. Augst.
- Riha, E. 1994: *Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Die Neufunde seit 1975*. Augst.
- Rostovtzeff, M.I. 1918: [Bronze brooches with inscriptions from the Don region]. *Izvestiya Imperatorskoy Arkheologicheskoy Komissii* [Proceedings of the Imperial Archaeological Commission] 65, 22–24.
- Ростовцев, М.И. 1918: Бронзовые фибулы с надписями из Донской области. *ИАК* 65, 22–24.
- Simonenko, A.V. 2001: [European Alans and Alans-Tanaitae in the North Pontic region]. *Rossiyskaya arkhеologiya* [Russian Archaeology] 4, 77–91.
- Симоненко, А.В. Европейские аланы и аланы-танаиты в Северном Причерноморье. *РА* 4, 77–91.
- Simonenko, A.V. 2004: [Chronology and periodization of Sarmatian sites of the North Pontic region]. In: B.A. Raev (ed.), *Sarmatskie kul'tury Evrazii: Problemy regional'noy khronologii. Doklady k V Mezhdunarodnoy regional'noy konferentsii «Problemy sarmatskoy arkhеologii i istorii»* [Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology. Proceedings of the 5th International Conference “Problems of the Sarmatian Archaeology and History”]. Krasnodar, 134–173.
- Симоненко, А.В. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья. В сб.: Б.А. Раев (ред.), *Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. Доклады к V Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»*. Краснодар, 134–173.
- Spitsyn, A.A. 1904: [Artefacts of La Tène culture in Russia]. *Izvestiya Imperatorskoy Arkheologicheskoy Komissii* [Proceedings of the Imperial Archaeological Commission] 12, 78–86.
- Спицын, А.А. Памятники латенской культуры в России. *ИАК* 12, 78–86.
- Tel'nov, N.P., Chetverikov, I.A., Sinika, V.S. 2016: *Skifskiy mogil'nik III–II vv. do n.e. u s. Glinoe* [The Scythian Necropolis of the 3rd–2nd c. BC near the Village of Glinoe]. Tiraspol.
- Тельнов, Н.П., Четвериков, И.А., Синика, В.С. *Скифский могильник III–II вв. до н.э. у с. Глиное*. Тирасполь.
- Zaytsev, Yu.P. 2003: *Neapol' Skifskiy (II v. do n.e. – III v. n.e.)* [Neapolis Scythica (2nd c. BC – 3rd c. AD)]. Simferopol.
- Зайцев, Ю.П. *Неаполь Скифский (II в. до н.э. – III в. н.э.)*. Симферополь.
- Zaytsev, Yu.P. 2017: [Ak-Kaya/Vishennoe fortress in the context of the Late Scythian culture of the Crimea]. In: A.I. Ivantchik, V.I. Mordvintseva (eds.), *Krymskaya Skifiya v sisteme kul'turnykh svyazey mezhdu Vostokom i Zapadom (III v. do n.e. – VII v. n.e.)* [Crimean Scythia in a System of Cultural Relations Between East and West (3rd Century BC to the 7th Century AD)]. Simferopol–Moscow, 166–182, 269–289.
- Зайцев, Ю.П. Крепость Ак-Кая/Вишенное в контексте позднескифской культуры Крыма. В сб.: А.И. Иванчик, В.И. Мордвинцева (ред.), *Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н.э. – VII в. н.э.)*. М., 166–182, 269–289.

Valentina I. Mordvintseva,
National Research University Higher School of Economics;
Institute of World History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

В.И. Мордвинцева,
к.и.н.,
НИУ «Высшая школа экономики»;
Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия

E-mail: v_mordvintseva@mail.ru